

ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЪЧЕЙ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи запорожской Сѣчи, распространено то общее убѣжденіе, что Сѣчь постоянно и по мѣрѣ надобности переносилась съ одного мѣста на другое и что, стало быть, существовало Сѣчей нѣсколько, а не одна. И это совершенно вѣрно. Является лишь вопросъ: каковъ былъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей и что было причиною перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ между другими историками и лѣтописцами раньше всѣхъ даетъ отвѣтъ князь Мышецкій, авторъ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“¹⁾. Такъ какъ отвѣтъ Мышецкаго, не смотря на всю его неполноту, отличается все таки большою подробностію, то мы и воспользуемся его показаніями, присовокупивъ къ этому и собственныя соображенія²⁾. Въ главѣ „о прежнемъ житіи казаковъ запорожскихъ, гдѣ оныя свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли“, авторъ говоритъ, что запорожцы сидѣли сѣчами въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ мѣстечкѣ Седневѣ, отстоявшемъ въ 30 верстахъ отъ г. Чернигова; 2) въ г. Каневѣ, который стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже г. Кіева и считается однимъ изъ уѣздныхъ городовъ этого послѣдняго 3) въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, которое находилось въ полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра; 4) на островѣ Хортицѣ³⁾

¹⁾ „Исторія о казакахъ запорожскихъ“ издана въ Одессѣ, въ 1852 году.

²⁾ Къ указанію Мышецкаго мы добавляемъ и собственныя свѣдѣнія, добытыя лично во время поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ.

³⁾ Иначе островъ св. Григорія, Варяжскій, Хиртица, Хитрицкій, Хордецкой островъ.

который лежитъ противъ пристани г. Александровска екатеринославской губерніи, ниже послѣдняго днѣпровскаго порога Вильнаго или Гадючьяго, на восемь верстъ ¹⁾); 5) на островѣ Томаковѣ или Токомаковѣ ²⁾, который принадлежитъ теперь жителямъ села Красно-Григорьевки или Чернышовки, екатеринославскаго уѣзда и именуется островомъ Городищемъ; 6) на Микитиномъ рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой, но находившемся на 150 сажень ниже пристани теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, противъ южнаго конца острова Орлова; 7) на рѣчкѣ Чортотмыкѣ, при самомъ устьѣ ея, тамъ гдѣ теперь деревня Капулинка или Капыловка, екатеринославскаго уѣзда; 8) на устьѣ рѣчки Каменки, гдѣ теперь деревня Консуловка или Разоровка, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, херсонскаго уѣзда; 9) въ урочищѣ Олешкахъ, по теперешнему въ г. Алешкахъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, прямо на востокъ отъ г. Херсона; 10) наконецъ на рѣчкѣ Подпольной въ дугообразной лукѣ или извиѣ ея, на правомъ берегу, въ урочищѣ, называвшемся у козаковъ Краснымъ-Кутомъ, или Базавлуцкимъ полуостровомъ ³⁾, гдѣ теперь село Покровское екатеринославскаго уѣзда.

Таковъ порядокъ запорожскихъ Съчей, представленный княземъ Мышецкимъ. Но тутъ является прежде всего вопросъ: можно ли три первыя, до-хортицкія Съчи, Съчь Седневскую, Каневскую и Переволочанскую считать запорожскими Съчами, въ собственномъ смыслѣ этого слова? Кажется, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. За это говорить прежде всего этимологія слова: *запорожець*. Запорожцами, запорожскими козаками въ собственномъ смыслѣ назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища, за порогами Днѣпра, начинавшимися, равнымъ счетомъ, на восемь

¹⁾ Мышецкій ошибочно показываетъ 15 верстъ вмѣсто восьми.

²⁾ По татарски Томаковка звучитъ „тумакъ“ что значить „шапка“; островъ по своей округлости дѣйствительно очень похожъ на шапку. Другія названія острова Днѣпровскій и Буцка. См. Памятн. кіевской комм. для разбора древ. актовъ, I, отдѣлъ III, стр. 18. Кіевъ, 1845 г.

³⁾ Подпиленская Съчь отстояла отъ Базавлука прямо на востокъ, на разстояніи 12 верстъ.

версть ниже деревни Половицы, теперешняго губернскаго г. Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и должны называться запорожскими козаками; тѣже изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ г. Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. Но такъ какъ и Седневъ, и Каневъ, и Переволочна находились выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ *запорожскими Сѣчами* едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и несомнѣнно, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто зарожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истинные сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сѣчами, могло относиться лишь къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они не обособлялись еще отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седневъ, Каневъ и Переволочну Запорожскими Сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ—сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая Сѣчь, съ которой мы и ведемъ счетъ всѣмъ запорожскимъ Сѣчамъ.

Но, кромѣ указанной неточности, у Мышецкаго замѣчается еще отсутствіе хронологическихъ датъ на счетъ времени возникновенія и паденія каждой изъ названныхъ запорожскихъ Сѣчей; также точно Мышецкій не даетъ намека и на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ Сѣчей, какъ напримѣръ Хортицкая, Чортотмыцкая и Каменская, возникали и прекращались не одинъ, а два раза. Впрочемъ, выставляя это на видъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять автора „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“, писавшаго болѣе, чѣмъ

сто лѣтъ тому назадъ (между 1736 и 1740 гг.). Только въ наше время, и то все-таки далеко не вполнѣ, мы можемъ удовлетворить себя отвѣтомъ на заданный вопросъ. Такъ, что касается Хортицкой Сѣчи, то изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, что начало ея положено въ 1557 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, человѣкомъ православной вѣры, родомъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей. „Тогожь мѣсяца (сентября 1557 года) приѣхаль ко царю и великому князю Ивану Васильевичу (Грозному) всеа Русіи, отъ Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бити челомъ Михайло Есковичъ, чтобъ его (т. е. князя) государь пожаловаль, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы от(ъ)ѣхаль, и на Днепрѣ на Хортицкомъ острову городъ поставиль, противъ Конскихъ водъ (рѣка), у крымскихъ кочевницъ“¹⁾. Вотъ время перваго возникновенія Хортицкой Сѣчи. Но уже два года спустя Сѣчь Хортицкая окончила это первое свое существованіе, вслѣдствіе того, что самъ предводитель запорожскихъ козаковъ, князь Д. И. Вишневецкій, подавленный нападеніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, удалился сперва „за Черкасы и Каневъ“, а потомъ въ отдаленный г. Бѣлевъ съ его волостями и селами; козаки-же, предоставленные собственной судьбѣ, искали себѣ другаго мѣста для своего поселенія. Впрочемъ, павшая такъ безвременно Хортицкая Сѣчь снова возобновлялась, но это было уже въ началѣ XVII столѣтія при кошевомъ атаманѣ запорожскихъ и гетманѣ малорусскихъ козаковъ, Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ. „Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году“²⁾, тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ“³⁾. „Хортица одинъ изъ большихъ Днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII с. гетманъ Сагайдачный приказаль жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *застѣкою*, отъ чего, мо-

¹⁾ По Максимовичу. См. Собр. сочп., т. I, стр. 284, Кіевъ, 1876 г.

²⁾ Здѣсь явная ошибка: дѣло было въ 1618 году; ибо самъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г. См. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣят. юго-зап. Руси. 1883 г., стр. 1—5.

³⁾ Мышецкій. Истор. о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

жетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Съчи*, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ въ другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянiя“¹⁾. „Островъ сей (Хортица) извѣстенъ былъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ неприятелей, приносили жертвы; тамъ къ началу XVI столѣтія запорожцы имѣли Съчь свою, оставили ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули“²⁾.

За Хортицкой Съчью слѣдовала Томаковская; возникновеніе ея можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Съчь, или же ко времени немного позже этого. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ „Исторіи Малой Россіи“, когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку³⁾; второе предположеніе является само-собой, когда исключить первое: если Томаковская Съчь основана не одновременно съ Хортицкой и не раньше ея, то, стало быть, позже. Но когда же именно? На этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно мы не можемъ. Правда, г. Костомаровъ⁴⁾ говоритъ, что Томаковская Съчь возникла въ 1568 году; но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ актѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Съчи. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву: „Подъданнымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украинныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старость нашихъ Украинныхъ, зѣхавши, *на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ* перемешкиваютъ: Маемя того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ разныхъ свовольне живучи, подданнымъ цара Турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ

1) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 259.

2) Боллапъ. Описаніе Украины. Спб. 1832 г., стр. 150.

3) Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., Москва. 1842 г., I, 113; тоже повторяетъ Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи“. Москва, 1842 г., I, 46.

4) Южная Русь и казачество. Отеч. Зап., т., CLXXXVIII, отд. I, стр. 39.

нашихъ отъ непріятели въ небезпечество приводите¹⁾). Вотъ тотъ актъ, который, по словамъ г. Костомарова, указываетъ будто-бы годъ основанія томаковской Сѣчи. Но какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сѣчь? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки „перемешкиваютъ“ на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковки острова, есть еще и множество другихъ острововъ.

Такимъ образомъ актъ, приведенный г. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сѣчи, и годъ основанія ея для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Костомаровъ о Томаковкѣ даетъ другаго рода свѣдѣнія; такъ, онъ говоритъ, что на этомъ островѣ произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши, Потоцкаго; посоль убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сѣчи на родину: „увѣряю васъ честнымъ словомъ, говорилъ Хмелецкій Хмельницкому, что и волосъ на спадетъ съ вашей головы“²⁾). Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы предполагать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. „Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украинѣ атаманомъ Теодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Теодора Линчая подняли мятежь и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Теодоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе „линчаивцівъ“, принужденъ

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1863. Т. 1, III, стр. 4, Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 числомъ ноября.

²⁾ Богданъ Хмельницкій. Спб., 1870 г., т. I, стр. 84.

быль спастись бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковкѣ). Теперь когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ прежняго противника, то, хотя по долгу козацкаго гостепрѣимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ Рогъ¹⁾.

Заговоривъ о Томаковской Сѣчи, мы не можемъ при этомъ не указать на тѣ неточности, которыя допущены при описаніи ея въ недавно вышедшемъ сочиненіи „О Богданѣ Хмельницкомъ“ г. Будицкаго¹⁾. Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, вопервыхъ, что островъ этотъ находится выше Микитина Рога на 25 верстѣ;— это невѣрно: не на 25, а на 18 верстѣ. Далѣе, авторъ говоритъ, что Томаковка—самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ 24½ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 сажнямъ; тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстѣ, а площадь ея равняется 295 десятинамъ земли. Кромѣ того и самые берега острова Томаковки менѣе возвышены, нежели берега острова Хортицы: Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 сажень; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно же съ западной, гдѣ высота ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 30 сажень и болѣе. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими(?) притоками соединяется съ рѣкою Базавлукомъ;—и это неправда: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстѣ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у Краснаго-Кута, выселка села Грушевки херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною чертою между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздомъ. О Базавлукѣ при Томаковской Сѣчи не можетъ быть и рѣчи; у Томаковки сливаются другія рѣчки: съ юга ее охватываетъ рѣчка Рѣчище²⁾, съ востока—Ревунъ и Ревунча; съ сѣвера—Ревугъ, а съ

1) Будицкій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г., стр. 38.

2) Рѣчище есть притокъ Бугая, а Бугай есть притокъ Днѣпра съ правой стороны.

запада—Гнилая, а всѣ онѣ впадаютъ въ лиманъ, начинающійся ниже села Красно-Григорьевки или Чернышевки и деревни Нечавой, екатеринославскаго уѣзда, имѣющей семь верстъ длины и впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Кромѣ того, къ острову Томаковѣ, прямо съ сѣвера бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединясь съ рѣчкою Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ Томаковки острова есть нѣсколько маленькихъ острововъ;—и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ острововъ; есть лишь сплошная, отъ острова до Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осоками и шелковицами. Заключая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія „О Богданѣ Хмельницкомъ“, наконецъ, замѣчаетъ: „О *величинѣ* этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ,—отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки“. Здѣсь авторъ „Богдана Хмельницкаго“ совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка: приведеннаго слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что островъ отъ праваго берега Днѣпра („на которомъ мы стоимъ“), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго („отъ Крыму“) такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ¹⁾. И точно: островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на семь верстъ (но не на двѣ мили) вправо.

Еще меньшею опредѣленностію отличаются наши свѣдѣнія о Микитинской Сѣчи, находившейся съ правой стороны рѣки Днѣпра на такъ называемомъ Микитинѣ Рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой; по неизмѣннѣю документовъ, мы не можемъ сказать даже приблизительно о томъ, когда основана эта Сѣчь; въ этомъ отношеніи намъ ничего не даетъ и самое названіе Сѣчи, такъ какъ оно заимствовано отъ имени какого-то Микиты, вышедшаго изъ ста-

¹⁾ Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кievск. комм., т. I, отд. III, стр. 18.

рой Малороссіи, поселившася на днѣпровскомъ рогѣ и давшаго свое имя сперва рогу, а потомъ уже и самой Сѣчи, возникшей здѣсь. „Нѣкто Микита, предприимчивый малороссъ, плѣняясь разсказами своихъ собратьевъ, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями, отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся въ обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украина вела войны,—этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его именемъ „Микитинъ рогъ“¹⁾. Вотъ то, что мы знаемъ относительно названія Сѣчи. Кромѣ того намъ извѣстно, что на Микитинской Сѣчи нашель пристанище гонимый поляками Зиновій Богданъ Хмельницкій; здѣсь, изъ устъ запорожскихъ козаковъ, Хмельницкій услышалъ первый откликъ на защиту всей Украины; здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны „добрыхъ лыцарей“ сражаться за униженіе предковской вѣры и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь-же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ еще не сознавая, полагалъ начало осуществившемуся въ послѣдствіи слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

О времени уничтоженія Микитинской Сѣчи мы можемъ сказать лишь то, что оно должно совпадать со временемъ основанія слѣдующей за ней Сѣчи Чортотмыцкой, т. е. съ 1652 годомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1669 году, въ Андрусовскомъ договорѣ русскихъ съ поляками, Микитинъ рогъ официально именуется уже не Сѣчью, а Микитинымъ перевозомъ, чрезъ который дозволено было малороссійскимъ козакамъ переходить въ Крымъ за солью²⁾.

За Микитинскою Сѣчью слѣдовала Сѣчь Чортотмыцкая. Какъ и Хортицкая, Чортотмыцкая Сѣчь возникала не одинъ, а два раза, при чемъ моментъ перваго возникновенія ея предшествовалъ моменту возникновенія Сѣчи Микитинской, а моментъ втораго возникновенія ея слѣдовалъ за моментомъ паденія этой-же Сѣчи. Въ первомъ убѣждаютъ насъ слова Эриха Ляссоты, посланника германскаго

¹⁾ Карелинъ. Зап. одес. общ. ист. и древ., т. VI. стр. 523.

²⁾ Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древ., т. VI, стр. 525.

императора Рудольфа II; изъ „Путевыхъ записокъ“ Ляссоты мы узнаемъ, что Чортомлыцкая Сѣчь существовала уже въ 1594 году. Эрихъ Ляссота отправленъ былъ Рудольфомъ II-мъ къ запорожскимъ козакамъ съ тою цѣлю, чтобы привлечь ихъ къ задуманной императоромъ войнѣ противъ турокъ. Переправившись черезъ всѣ днѣпровскіе пороги, оставивъ за собою нѣсколько острововъ на Днѣпрѣ, Эрихъ Ляссота прибылъ наконецъ „до острова Базавлука ¹⁾“, при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка или, какъ они (запорожскіе козаки) выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ ²⁾. Здѣсь находилась тогда Сѣчь козаковъ (1594 года, іюня 9-го), которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ „своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій“ ³⁾. Но этимъ наши свѣдѣнія о Чортомлыцкой Сѣчи и времени ея перваго возникновенія и паденія и оканчиваются; за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній мы не можемъ ровно ничего сказать о томъ, когда оканчивается историческая роль Чортомлыцкой Сѣчи на первый разъ. Прошло много времени; уже померкла звѣзда Микитинской Сѣчи, и только тогда вторично взопла на историческомъ горизонтѣ Сѣчь Чортомлыцкая. Это было уже въ 1652 году; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ 6 сажень; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу строены пали и бойницы, а съ другой стороны, отъ устья Чортомлыка и отъ рѣки Скарбной до вала, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля,

¹⁾ Трудно съ точностію сказать, гдѣ находился названный Ляссотою островъ Базавлукъ; въ настоящее время на Днѣпрѣ, противъ бывшей Сѣчи, есть два острова: Холодный и Андрушкинъ; но первый, имѣющій въ окружности три версты, какъ говорятъ старожилы, очень недавняго происхожденія. Другой островъ, Андрушкинъ, получившій свое названіе отъ какого-то Андрушки, долгое время владѣвшаго имъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; но онъ едва замѣтенъ для путешественника, потому что очень низкій и выходитъ только однимъ юго-восточнымъ угломъ на Днѣпръ, такъ какъ находится между двумя рукавами Днѣпра, Павлюкомъ и Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ; въ окружности имѣеть до 8 верстъ.

²⁾ Чортомлыцкое Днѣприще существуетъ и до сихъ поръ; оно идетъ отъ Днѣпра къ мѣсту бывшей Сѣчи на разстояніи около 1¹/₂ версты.

³⁾ Путевыя записки. Одесса, 1852 г., стр. 30.

мѣрою кругомъ 20 сажень, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею за ровомъ сдѣланъ земляной городокъ, кругомъ его мѣрою 100 сажень, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомликъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ); и надъ тѣми фортками бойницы; а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти, съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣчи съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлика сто жъ сажень; да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомликъ, и впали тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, которая течеть позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 сажень. А строили этотъ городъ Сѣчю кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. ¹⁾ То де тому городу Сѣчѣ и укрѣпленіе, что стоитъ въ устьяхъ надъ рѣкою Скарбною и Прогною и Чортомликомъ; а кругомъ его ровъ ²⁾.

Отъ Чортомлицкой Сѣчи въ настоящее время остался очень небольшой островокъ, имѣющій всего лишь 2 десятины и 2250 кв. сажень, песчаной формаціи, съ сѣверной стороны возвышенный (до трехъ сажень высоты), съ южной отлогій, покрытый травой и деревьями. Съ разныхъ сторонъ островокъ охватывается разными рѣчками: съ сѣвера рѣкою Чортомлыкомъ, съ востока рѣчкой Гнилой (старинный Прогной) и Скарбною, съ юга большой рѣчкой, притокомъ Днѣпра, Павлюкомъ и небольшимъ протокомъ Бейкусомъ, съ запада—тѣмъ-же Павлюкомъ и рѣчкой Подпольной. Таковъ видъ Чортомлицкой Сѣчи въ настоящее время, но не таковъ онъ былъ во времена господства на немъ козачества. „Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Січі (последней по времени) отъ Отоминича та отъ Білицького (кошевые атаманы), що того острова (Чортомлицкаго) не було, а запорожци зробили рівъ и пропустили воду зъ Чортомлика, щобъ не датица въ руки москалевіямъ (русскимъ солдатамъ). Бувъ тоді наказній отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на місто кошового Кости Гордіенка, що зъ Мазепою змінивъ руському цареві (Петру); вінъ *откопавъ* отъ берега, зробивъ на шпилі кріпость, поставивъ гармати и велівъ перенести туди

¹⁾ Актъ помѣченъ 1672 годомъ, вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сѣчи.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Рос., т. XI, стр. 12, № 5.

увесь козацкій скарбъ“¹⁾). Такимъ образомъ, Сѣчь Чортомлыцкая представляла изъ себя въ старину не островъ, какъ можно было бы заключить отъ настоящаго, а большой мысъ или по малорусски *piń*, находившійся на рѣкѣ Чортомлыкѣ, при самомъ устьѣ его; мысъ этотъ отдѣленъ былъ отъ материка ровомъ, ровъ наполненъ былъ водой и такимъ образомъ съ теченіемъ времени получился островъ. Дѣло происходило въ 1709 году, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ и въ союзѣ съ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнили русскому царю Петру первому и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Тогда Петръ, для наказанія запорожцевъ, отправилъ противъ нихъ большой отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, которые, не смотря на сильное сопротивление со стороны запорожскихъ козаковъ и ихъ наказнаго атамана Якима Богуша, разорили до основанія всю Сѣчь, а самыхъ козаковъ заставили бѣжать за предѣлы Россіи, къ туркамъ. „Когда Россіяне шведское войско подъ городомъ Полтавою на главу поразили (въ 1709 году) и въ полонъ людей побрали, то помянутый малороссійскій гетманъ Мазепа, запорожскій кошевой Костя Гордіянковъ, съ малою дружиною, съ королемъ шведскимъ, бѣжали въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А Россіяне по той викторіи, послали войска, чтобы разорить запорожскую Сѣчь, за ихъ измѣну, гдѣ пришедъ, Россіяне атаковали запорожскихъ козаковъ, и хотя тѣ козаки имѣли отъ Россіянъ жестокое обороненіе, но не могли своей Сѣчи удержать; многихъ ихъ Россіяне порубили и многихъ въ полонъ взяли, за ихъ къ себѣ измѣну вѣшали на плотяхъ, пущали внизъ рѣки Днѣпра, и имѣющуюся у нихъ артилерію болѣе 100 пушекъ, взявъ въ Россію, а запорожскую ихъ Сѣчь до основанія разорили. А оставшіеся изъ нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣгствомъ животъ свой спасали, бѣжавъ отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго тамъ получили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ *Каменкѣ*, гдѣ паки Россіяне, съ войски пошедъ, изогнали ихъ изъ онаго мѣста Каменки, то

¹⁾ Разсказъ жителя Никополя, Михаила Решетняка, жившаго около 30 лѣтъ при уничтоженіи послѣдняго коша запорожскаго въ 1775 году. Зап. од. общ. ист. и древ., т. IX, стр. 441.

они ушедъ поселились при урочищѣ *Олешкахъ*, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на крымской сторонѣ... А какъ запорожскіе козаки, подѣ командою хана крымскаго, ходили въ Черкесы (т. е. на черкесовъ) въ нѣсколькихъ тысячахъ¹⁾, то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и за то они то чинили, что запорожцы подданными ихъ у себя имѣли, и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевый, съ запорожскими козаками, изъ Черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища Олешекъ въ старую Сѣчу *Каменку*, о которой выше сего во многихъ пунктахъ упомянуто²⁾. Итакъ, послѣ Чортомлыцкой Сѣчи запорожцы сидѣли въ Сѣчахъ: Каменской, Алешковской и снова Каменской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуєтъ князь Мышецкій. Изъ того же Мышецкаго (стран. 23—27) можно заключить, что запорожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ предѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны³⁾. Съ этимъ свидѣтельствомъ автора „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ вполне совпадаетъ и свидѣтельство автора „Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ“,—протоіерея Григорія Кремьянскаго, бывшаго свидѣтеля послѣдней запорожской Сѣчи на р. Подпольной. „По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на рѣкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ теперь деревня Калулинка),—писаль Кремьянскій въ 1836 году, октября 17 дня,—запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подѣ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы

¹⁾ „Во множественномъ числѣ“. Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос. Москва, 1847, III, стр. 139.

²⁾ Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса. 1852, 18—20. Тоже у Ригельмана: Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. Москва. 1847 г., III, 96.

³⁾ Ригельманъ по этому вопросу кривить душой: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сѣчь въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 году, а въ другомъ онъ держится указанія Мышецкаго. Лѣтоп. повѣств., ч. III, стр. 96 и 139.

Анны Ивановны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (теперь г. Бериславъ, херсонской губерніи) *въ Омиловомъ* и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-Куть, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроя Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II-ю¹⁾. Названное здѣсь урочище Омилово есть не что иное, какъ теперешнее село Мѣловое, херсонскаго уѣзда, расположенное на балкѣ Мѣловой, на сѣверъ отъ балки и рѣчки Каменки, на разстояніи всего лишь четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, повторяю, свидѣтельство князя Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствомъ и протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній вмѣсто Каменки называетъ Омилово, теперь степныя мѣста, въ ту пору, быть можетъ, едва различаемыя одно отъ другаго. Показанія достойны того, чтобы имъ скорѣе вѣрить, нежели Ригельману, Скальковскому²⁾ и г. Морковину³⁾. „Сочинитель Запорожской исторіи г. Скальковскій,—говоритъ Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что въ Каменкѣ Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ⁴⁾; большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 г. многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности; наконецъ, многія изустныя преданія, и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ запорожцевъ и вынудила переселиться на крымскую сторону, въ Олешки, но не-

¹⁾ Зап. одесс. общ. истор. и древн., т. VI, стр. 645.

²⁾ Истор. новой Сѣчи. Одесса, 1846 г., II, 40—54.

³⁾ Очеркъ истор. запорож. козач., Спб., 1878 г., стр. 68.

⁴⁾ Н. И. Вертильякъ писалъ въ 1852 году, но тоже можно сказать и теперь. Кладбище запорожское и до сихъ поръ упѣлѣло въ Каменкѣ; есть нѣсколько и намогильныхъ крестовъ, между коими кресты кошеваго атамана Константина Гордіенка и Василя Героеева сохранились хорошо. Мѣсто самой Сѣчи сохранилось также превосходно, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: можно пересчитать и число ямокъ отъ бывшихъ куреней, можно видѣть и площадь между куреней, и т. под.

счастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служилъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли¹⁾).

Съ 1734 года запорожцы снова на родныхъ пепелищахъ. Выведенные изъ-подъ власти турокъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ ²⁾ въ предѣлы Россіи, они осѣлись Сѣчью въ урочищѣ Красномъ-Кутѣ, надъ рѣкою Подпольной, въ томъ мѣстѣ ея праваго берега, гдѣ она извивается въ видѣ лука или залива, и между рр. Базавлукомъ, съ западной стороны, и Чортомлыкомъ съ восточной. Сѣчь эта получила названіе Новой ³⁾ и существовала до 1775 года, роковаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ: съ этого момента запорожскіе казаки потеряли свою политическую самостоятельность въ Россіи и должны были бѣжать вторично въ предѣлы турецкой имперіи, на устья р. Дуная, къ „прибѣжищу свѣта“ (титуль султана), въ „высокій порогъ, блистательныя врата“ (титуль Турціи).

Послѣ всего этого естественно спросить: что же было причиною перенесенія запорожскихъ Сѣчей съ одного мѣста на другое? Понятно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить многими причинами. Но не вдаваясь въ различныя предположенія, мы отвѣтимъ на него однимъ изъ актовъ 1761 года (за № 1836), найденнымъ нами при разборкѣ архива Малороссійской Коллеги, помѣщающагося при харьковскомъ университетѣ. Вотъ этотъ актъ.

¹⁾ Мышецкій. Истор. о коз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 22, примѣчаніе 35.

²⁾ У Ригельмана Милашевичъ называется Иванцемъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос., т. III, стр. 141.

³⁾ Обращаемъ вниманіе на неточность выраженія въ учебникѣ Русской Исторіи г. Иловайскаго (Москва, 1883 г., стр. 166): „На одномъ изъ острововъ (Днѣпра), говорятъ снѣ, обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или Сѣчь, особенно на островѣ Хортица“... Нужно: сказать особенно на р. Чортомлыкѣ или р. Подпольной, а не на островѣ Хортицѣ, такъ какъ только Старая и Новая Сѣчи были мѣстами, откуда „разливалась слава по всій Украинѣ“, Сѣчь же хортицкая предъ этими двумя блѣднѣетъ.

„Ясне вельможному.... Графу Кириллѣ Григорьевичу Его сиятельству Разумовскому

нижайшее доношеніе.

О перенесеніи съчи запорожской з нинѣшняго мѣста ¹⁾ въ асигнованное мѣсто Никитино ²⁾, яко тутъ безъ води нужда и немалое по размноженію и поселенію утѣсненіе есть, и мертвыми гробами весь городъ почти обнять, и проходовъ нетъ и проездовъ водяныхъ свободныхъ часто не биваетъ, хотя къ вашей ясне вельможности доношеніемъ отъ насъ, с прописанными въ немъ таковыми резони, взнесено и на то отъ вашей ясне вельможности, что представленно в правительствующій сенатъ, високий ордеръ в Кошѣ полученъ и тому асигнованному мѣсту планъ, по опредѣленію правительствующаго сената, чрезъ нарочно отъ вашей ясне вельможности присланного сочиненъ и доставленъ въ правительствующій сенатъ; однакъ потому и донинѣ никакой височайшей резолюции не послѣдовало, войско жъ запорожское низовое, каеъ в томъ къ вашей ясне вельможности доношеніи прописано, вишеозначенио поносить и терпитъ немалую нужду и разнообразіе, по худому и нездоровому сему мѣсту, можетъ нести припадки и наглие смерти; того ради вашей ясневельможности, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ низовимъ, нижайше просимъ о перенесеніи з нинѣшняго въ асигнованное мѣсто Никитино Съчи запорожской, зъ пожалованнемъ проеимимъ, по докладу височайше дозволеніе и повелѣніе чрезъ сего нарочно отъ Коша запорожского отправленнаго войскового писаря ³⁾ отчески исходатайствовать и резолюціею насъ снабдить и пожаловать и не оставить.

Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ.
Войсковою судья Петръ Калнишевскій.
Атамани куреней и все товариство.

1761 году июля 7 дня.

Просьба о перенесеніи Съчи подана запорожцами еще въ 1758 году, въ апрѣлѣ 27 числа, на имя императрицы Елизаветы Петровны, какъ это видно изъ слѣдующей „Выписки въ докладъ“;

¹⁾ На р. Подпольной, гдѣ теперъ с. Покровское екатеринославскаго уѣзда.

²⁾ Гдѣ теперъ мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, выше Покровскаго на 25 версть.

³⁾ Изъ слѣдующихъ словъ дѣла видно, что это былъ Иванъ Чугуевецъ.

приложенной при выписанномъ „нижайшемъ доношеніи“. „Прошло-го 1758 году априля 27 д. войска низового запорожского Атаманъ Кошевій Григорій Федоровъ со всѣмъ низовимъ войскомъ прислали къ вашей ясневельможности доношеніе съ представленіемъ о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская положеніе свое имѣетъ, какъ то по недостатку тамо въ нынѣшніе времена противъ прежнихъ води, за умаленіемъ оной въ речки состоящей при ономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ приточъ нимаю источниковъ криничныхъ, зачѣмъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ бываемою, неподвижною, зацвѣлою и ізъмешаною съ нужнымъ всемъ, отъчего приключаются болѣзненніе зарази и смерти безъвременніе. А и кромѣ де того по нынѣшнему приумноженію противъ прежняго оного Запорожского войска, тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ, а въ басарахъ проездъ съ трудностію имѣть можно и въ случае пожара обороны подать не свободно; и по тѣмъ и прочимъ нужностямъ, именно въ томъ доношеніи прописаннымъ, Запорожской Сѣчи быть на томъ мѣстѣ, на коемъ она нынѣ состоитъ, неудобно, и что де къ переселенію той Запорожской Сѣчи отътоль избрано другое, удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ російской границѣ, немного више над Днепромъ, при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи небольшие, какъ въ двадцать верстъ въверхъ Днепра и въ равномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣстится довольно обширно и весьма хорошо при водѣ можно будетъ; и съ прошеніемъ къ ея императорскому величеству представленія о всевысочайшемъ дозволеніи въ переносѣ туда Коша запорожского и учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо пространнѣйшей противъ нынѣшней церкви каменной, тако жъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза зъ днѣпровскихъ постовъ самарскихъ, съ котораго его Атамана и Кошевого доношенія отъ вашей ясневельможности къ ея императорскому величеству въ правительствующій сенатъ на высочайшее благоразсмотрѣніе вѣрная копія при листѣ представлена тогдажъ. Іюня 18 тогожъ году прислана къ вашей ясневельможности высочайшая ея имп. величества изъ правит. сената грамота, которою велѣно: оное запорожского войска доношеніе раземотря, прислать въ правит. сенатъ вашей ясневельможности свое

мнѣніе, подлинноль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно, а найпаче въ разсужденіи пограничности удобноль, и представленіе от того войска резони справедливоль: И съ оной высочайшей ея имп. величества грамоти і изъ доношенія Кошевого атамана отъ вашей ясневельможности, при ордерѣ въ генеральную войсковую канцелярію справочніе копіи прислани, съ повелѣніемъ послать къ тому мѣсту нарочныхъ полковника миргородского Остроградского (?), сына его Павла Остроградского, да изъ старшинъ полку полтавского надежного человѣка и велѣтъ имъ здѣлать планъ положенія мѣсту и притомъ вѣрно освидѣтельствовать, подлѣнноль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно.....¹⁾. Для чего тотъ учиненный онимъ запорожскимъ мѣстамъ планъ 759 году марта къ вашей ясневельможности въ генеральной войсковой канцеляріи при доношеніи представлень, съ таковимъ генеральной канцеляріи мнѣніемъ, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди въ требуемомъ ими мѣстѣ при Никитиномъ способно, ибо нынѣшнее поселеніе Сѣчи запорожской отъ границы турецкой состоитъ отдаленнѣйше отъ оного новоизбираемого ими къ поселенію Сѣчи запорожской при Никитиномъ мѣста... А на то въ присланной къ вашей ясневельможности прошлаго 760 году генваря в высочайшей ея имп. величества грамотѣ изображено, что въ правит. сенатъ при листѣ вашей ясневельможности представлень планъ тѣмъ обоимъ мѣстамъ Коша запорожского, на которомъ оной нынѣ имѣется и на которое ево перенести войско запорожское прѣсидеть о позволеніи, но притомъ де объявлено толко генеральной войсковой канцеляріи мнѣніе, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди на требуемое мѣсто при Никитиномъ способно, а вашей ясневельможности свое мнѣніе... прислать... И по мнѣнію вашей ясневельможности, поселеніе свое по причинѣ неудобности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская имѣеть, въ недостатке воды, за умаленіемъ оной въ рѣчкѣ, имѣющей въ томъ мѣстѣ, прозываемой Подполной, и что притомъ никакихъ криничныхъ источниковъ нѣтъ, и по прочимъ предъ симъ зъ доношенія отъ Сѣчи запорожской къ вашей ясневельможности присланныхъ донесеній резопамъ, для лучшей войску запорожскому вигоди

¹⁾ Дѣлаю пропускъ, потому что идетъ повтореніе одного и того же.

и отъ малороссійскихъ мѣстъ ближе переселится въ требуемомъ ими мѣстѣ при урочище Никитиномъ признается за способное. И тако какъ по прежнимъ представленіямъ, такъ и по оному вашей ясневельможности мнѣнію высочайшего ея имп. величест. разсмотренія и указу прошено. И на то съ правительствующаго сената и по нынѣ никакой резолюціи въ полученіи нѣтъ“.

Резолюція на это доношеніе получена лишь въ 1764 году, 29 мая, уже отъ имени императрицы Екатерины II-й. Вотъ она буква въ букву ¹⁾. „Секретная“. „Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская... графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. Въ нашъ сенатъ генералъ фелдцейхмейстеръ и кавалеръ Вилбоа при репорте представилъ прожектированной посланнымъ отъ него по указу изъ нашего сената въ Сечь запорожскую, для осмотра назначаемого мѣста при никитинскомъ перевозѣ и перенесенія сѣчеваго поселенія, инженеръ-полковникомъ Менцелиусомъ, крѣпости и цитадели съ должнымъ въ оныхъ быть строеніемъ и церквами, планъ, профили и сметы, съ объясненіемъ всехъ къ тому потребностей, с которыми онъ генералъ фелдцейхмейстеръ, кроме некоторыхъ небольшихъ въ плане и профиляхъ отменъ, въ разсужденіи предвидящей оттого полезности согласенъ, донеся притомъ, что и вы, нашъ малороссійскій гетманъ и кавалеръ, разсматривая обще с нимъ помянутой планъ, во всемъ согласились же, о чемъ отъ васъ особо въ нашъ сенатъ и листъ полученъ. И по всему тому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: какъ о вознамеренномъ, при перенесеніи Сечи запорожской на другое при никитинскомъ перевозѣ место, крепостномъ строеніи на подносимой намъ отъ коллегіи иностранныхъ дель доклад по поводу учиненныхъ отъ Порты отоманской резиденту Обрескову отзывовъ и в разсужденіи, что, по нынѣшнему положенію политическихъ дель в Полше, Порту весьма менажировать надобно, воспослѣдовала высочайшая наша конфирмація, чтобъ то крѣпостное строеніе отложено было до удобнаго времени, о чемъ изъ сената вамъ нашему гетману и кавалеру, такъ же и генералу фелдцейхмейстеру Вилбоа знать дано: при действительномъ же теперь перенесеніи Сечи на новое мѣсто отоманская Порта, надобно думать, въ новое безпокой-

1) Этотъ второй актъ доставленъ намъ П. С. Ефимевкомъ.

ство придетъ и конечно не удовольствуется уверениемъ, что тамо крепости строено не будетъ: а при томъ когда нынѣ на то перенесеніе самымъ деломъ дозволить, то войско запорожское на долгое время въ томъ одномъ упражнено будетъ вместо того, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ высочайшей нашъ интересъ иногда потребуеть употребить ихъ къ нужнымъ предпріятіямъ въ другомъ месте, къ тому-жъ какъ изъ писма кошеваго атамана къ инженеръ-полковнику Мерцелиусу усмотрено, они немалого казенного вспоможенія на то требуютъ; того ради повелеваемъ вамъ нашему гетману и самое той Сечи запорожской на новое место перенесеніе до будущаго удобнаго времени и пока настоящія польскія дѣла въ лучшее состояніе придуть, отложить, о чемъ изъ нашего сената и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, равнобрно-жъ и генералу фелдцейхмейстеру Вилбоа указами знать дано: в Санктъ-петербурге, мая 28 дня 764 года, по ея императорскаго величества указу“.

Сенаторъ Иванъ Неплюевъ
Сенаторъ и кавалеръ Шаховскій
Оберъ-секретарь іванъ Ермолаевъ
Секретарь Иванъ Артемьевъ.

Д. И. Зварницкій.